

**Дисциплинарное становление русской психологии первой половины XX века:
Исторический этюд**

Обращение к истории русской психологии¹ и смежных наук зачастую оставляет у заинтересованного наблюдателя ощущение неполноты, недосказанности, двусмысленности и неясности. Виной тому отчасти неизбежные пробелы в знании предмета, отчасти вечные проблемы «самостоянья» психологии, которая с первого момента заявки на собственную партию в нестройном диалоге наук о человеке так, кажется, и не вышла из хронического «кризиса», в котором она пребывает от своего рождения по настоящий день², а отчасти из-за того, что историография психологии и смежных с ней дисциплин по целому ряду причин до сих находится в зачаточном состоянии, несмотря на сотни и тысячи печатных страниц, отведенных под обсуждение историй психологии. В последнее время наметилась тенденция по преодолению давнего застоя в историографии русской психологии. Радикальное обновление и фундаментальный прорыв в этой области знания был сравнительно недавно заявлен в терминах «архивной», а вслед за ней и «ревизионистской» революции в выготсковедении³. Также началось и распространение ревизионистского подхода на всю

---

¹ Под «русской психологией» здесь понимается тот свод идей, текстов, экспериментальных и социальных практик, который напрямую завязан на, условно говоря, «психологические» публикации на русском языке, вне зависимости от географической расположенности, национальности или институциональной аффилиации их авторов. Таким образом, с известной натяжкой переводная литература на русском языке и производные от нее теории, дискурсы и практики также включаются в такое расширительное понятие «русской психологии».

² Литература о «кризисе психологии» действительно огромна и вряд ли поддается учету. Из самых недавних и, пожалуй, наиболее обширных обсуждений этой «вечной темы» можно указать серию статей, вышедших под общим заголовком: *Psychology, A Science in Crisis? A Century of Reflections and Debates // Studies in History and Philosophy of Science Part C: Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2012. Vol. 43. № 2. P. 317–582. Режим доступа: <http://sciencedirect.com/science/journal/13698486/43/2>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

³ См.: *Yasnitsky A. «Archival Revolution» in Vygotskian Studies? Uncovering Vygotsky's Archives // Journal of Russian and East European Psychology*. 2010. Vol. 48. № 1. P. 3–13; *Yasnitsky A. Revisionist Revolution in Vygotskian Science: Toward Cultural-Historical Gestalt Psychology. Guest Editor's Introduction // Ibid*. 2012. Vol. 50. № 4. P. 3–15. Под «выготсковедением» понимаются комплексные систематические транснациональные исследования в области источниковедения, текстологии, истории и собственно научного содержания наследия Л.С. Выготского (1896–1934), самого популярного русского психолога. Ревизионистский мейнстрим представлен в первую очередь работами исследователей из Бразилии, Великобритании, Германии, Голландии, Израиля, Италии, Канады, Швейцарии, Эстонии, и Южной Африки. В исторических и теоретических исследованиях современных российских авторов ревизионистское направление представлено работами Е. Завершневой и ее сотрудников (см. библиографию работ Завершневой, уже вышедших и готовящихся к публикации на четырех языках: *Nemo_Nostrum*. Библиография Е. Завершневой // *Psyhistorik*. LiveJournal.

историографию русской психологии. В частности, одной из наиболее важных проблемных областей остается дисциплинарная история психологии, которая до настоящего времени была представлена большим объемом разнообразных работ по узкоспециальным и в той или иной степени изолированным дисциплинарным направлениям психологических и околопсихологических дисциплин, расцветшим в Советской России и в других республиках СССР в первой трети двадцатого века, – таким, как собственно *психология*, *педология*, *психотехника*, *дефектология*, *рефлексология*, *реактология*, *психогигиена*, *психотерапия*, и т.п. Тем не менее, значительная фрагментация прежних опытов описания всего этого разнообразного и огромного поля теорий, практик и методов этих дисциплин, – зачастую исключительно тесно взаимосвязанных и порой неотличимых одна от другой – в определенной степени сводит на нет наши попытки реконструировать подлинный смысл исторических процессов того периода.

Таким образом, несмотря на огромный потенциал ревизионистской историографии и уже проведенную работу в этом направлении, значительный объем работы еще только предстоит выполнить, и данный очерк, при всей его сжатости и неизбежной фрагментарности, думается, вносит свой вклад в создание интегративной, сравнительной и общей дисциплинарной истории русской психологии.

Весь драматизм истории дисциплинарного становления психологии можно описать в терминах определения собственных границ, позволяющих отделить психологию от других научных дисциплин (таких как физиология, психиатрия, педагогика, искусствоведение, социология, и др.), искусств (литература, музыка и проч.) и «ненаучных» дискурсов (философия и богословие), и, с другой стороны, найти ей место среди общественных практик (таких как медицина, образование, индустрия, военное дело, реклама и пропаганда, и т.п.). Обзору истории дисциплиностроительства и дисциплинарного становления русской психологии на протяжении первой половины XX века и посвящен этот очерк.

1. Операционализируя дисциплинарное историческое исследование

И все же, прежде чем приступить к собственно исторической реконструкции событий и процессов дисциплиностроительства в советской психологии, необходимо определить, что

для нас в контексте данного обсуждения означает психология как научная дисциплина и как мы ее операционализируем на уровне анализа конкретного исторического материала.

Психология как собственно научная дисциплина понимается в данном очерке как сложное социально-культурное явление, которое рассматривается на разных уровнях и в рамках, задаваемых двумя полюсами. С одной стороны, это *философия*: целый спектр философских течений от разнообразных идеалистических направлений до позитивизма (в период до прихода к власти большевиков в России в 1917 году) и сравнительно узкое поле различных вариаций марксизма как доминирующей философской доктрины в стране (после 1917 года⁴). С другой стороны, это понимаемые широко *индустрия и народное хозяйство*. Дело в том, что применительно к советской психологии межвоенного периода не представляется возможным провести четкую границу между собственно наукой, философией и индустриальной практикой – в силу общих установок советской науки на партийность (принципы материализма и марксизма) и приоритет практики, разделяемых в равной мере и учеными и их патронами-большевиками⁵. Исторически сложилось так, что психология была особенно заметна и ее роль потенциально особенно велика в таких сферах, как медицина и здравоохранение, образование и воспитание, промышленность и труд, военное дело, и, наконец, пропаганда и агитация. В свою очередь, научная дисциплина, понимаемая в предельно суженном виде как занятие ученых по производству знания, предстает как комплекс, где связаны общая теория, – в советских условиях безальтернативно опирающаяся на положения философского марксистского мейнстрима, – и эмпирические исследования, которые включают в себя лабораторно-экспериментальные (*in vitro*) и, с другой стороны, прикладные (*in vivo*) разработки.

Отношения между этими четырьмя сферами и структурными блоками научной дисциплины исключительно сложны и исторически обусловлены той или иной конкретной социальной ситуацией. Можно представить их взаимное отношение в виде иерархической структуры с философией на самом верху, а общественной практикой в самом низу, как, например, это сделано в Таблице 1 (см. ниже). С другой стороны, в соответствии с марксистским принципом «восхождения от абстрактного к конкретному», эту таблицу можно

---

⁴ О вариациях в советском марксизме см.: *Дмитриев А.* «Академический марксизм» 1920–1930-х годов: западный контекст и советские обстоятельства // Новое Литературное Обозрение. 2007. № 88. С. 10–38. Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/88/dm2.html>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

⁵ См.: *Krementsov N.* Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997; *Кременцов Н.Л.* Принцип конкурентного исключения // На переломе: советская биология в 20-х – 30-х гг. / Под ред. Э.И. Колчинский. Вып. 1. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 1997. С. 107–164. Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/books/naperelome/1/107-164.pdf>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

было бы и полностью реорганизовать так, чтоб философия составляла фундамент, а практика представляла собой вершину развития дисциплины. На самом же деле, здесь, по всей видимости, следует, скорей, говорить о взаимозависимости между всеми четырьмя «системными блоками», которые графически можно было бы также представить и в виде совокупности элементов с разнообразными переходами между ними.

1. Философия				
2. Общая (психологическая) теория				
3. Эмпирические исследования				
• Лабораторно-экспериментальные		• Прикладные		
4. Индустрия и народное хозяйство				
Медицина и здравоохранение	Образование и воспитание	Промышленность и труд	Военное дело	Пропаганда и агитация

Таблица 1. Структурные компоненты научной дисциплины в социальном контексте.

И все же следует заметить, что данная схема остается неполной по той причине, что она представляет лишь структурные и статичные характеристики научной дисциплины в социальном контексте, но при этом ничего не говорит нам о тех силах, которые приводят эту статичную структуру в движение и заставляют ее реально функционировать. Для наших текущих целей обсуждения дисциплинарной истории русской психологии первой половины двадцатого века мы выделяем несколько таких механизмов, движущих сил (и в то же самое время продуктов развития науки в ее социальном бытовании):

Первое, *аксиоматический базис*, то есть совокупность убеждений, установок, представлений о мире, ценностных ориентаций, и т.п., которые определяют отношение того или иного индивида к окружающему миру, роли и месту человека в этом мире, границах возможного и т.д. Несмотря на глубоко личностный и персональный характер аксиоматического базиса, в основе своей и по своему происхождению он принципиально неоригинален и неиндивидуален, составлен определенным набором базовых смысловых ориентаций, в большей или меньшей степени разделяемых некоторой социальной группой, и обусловлен исторически как культурной традицией, так и, в определенной степени, конкретно-историческими «производственными отношениями», понимаемыми здесь предельно широко. Вопреки кажущейся неизменности и ригидности, аксиоматический базис подвержен мутациям, трансформациям и даже радикальным переоценкам. Все эти

ценностные установки лежат за пределами собственно-научных представлений, тем не менее именно они в огромной степени определяют содержание, формы, и социальное бытование научного знания в данных конкретных условиях в ту или иную историческую эпоху. Все это несомненно верно и в приложении к истории психологии как научной дисциплины.

Второе, *дискурсы*, регламентирующие, направляющие и порождающие деятельность агентов того или иного социального проекта (как, в нашем случае, научной дисциплины), и в то же время порождаемые и детерминированные деятельностью, проводимой в рамках этого проекта. В значительной мере именно дискурсы, то есть тексты (постановления, директивы, нарративы, документы и письменные источники) составляют суть работы ученых, хотя, безусловно, далеко не всю, а, скажем так, лишь видимую, «надводную» часть того айсберга, который представляет собой наука как дисциплинарное образование.

Третье, *системы (неформальных) личных связей*, то есть совокупности агентов, которые действуют в своих интересах и преследуют свои цели в соответствии с набором их аксиоматических жизненных ценностей, и при этом в то же время суммарно выполняют общую задачу сверхиндивидуального уровня. Применительно к нашей теме это дисциплиностроительство, поддержание жизнеспособности и функционирования той научной дисциплины, в рамках которой их разворачивается интеллектуально-административная деятельность самих агентов. Их цели и задачи вполне могут быть разнообразными и разнонаправленными, а подчас даже и противоположными, а сами агенты не только не обязаны быть представителями одной конкретной области и сферы деятельности, например, одной научной дисциплины (или рядом смежных научных дисциплин), но и вообще могут являться не только научными деятелями, но и их родственниками, патронами, спонсорами или представителями других видов деятельности (например, искусств, философии или издательского дела).

Четвертое, *социальные практики*, в которые вовлекаются агенты данного профессионального сообщества и участники сети их формальных и неформальных связей в ходе эволюции данного конкретного дисциплинарного поля⁶. Очевидно, что в случае научных деятелей такие практики выходят далеко за пределы исследовательской (экспериментальной, прикладной, теоретической) и публикационной активности, а включают себя также и целый спектр видов деятельности, направленной на социальное позиционирование и продвижение научного знания, коммуникации разного рода, карьерные

---

⁶ О понятии «социальных практик» см. обсуждение в: *Krementsov N.* Op. cit.

вопросы, и т.п., без которых не мыслима нормальная работа никакого социального института, в частности – института науки и научных дисциплин.

Таким образом, подводя итоги, в данной работе мы определяем научные дисциплины, с одной стороны, в терминах четырех условно различных структурных блоков в континууме от философии через теорию и эмпирические исследования к индустрии и народному хозяйству, а с другой стороны, с помощью динамических механизмов, приводящих в действие всю эту статичную систему, таких как аксиоматический базис, система (неформальных) личных связей, дискурсивные и социальные практики. Для иллюстрации этого определения смотрите схему 1:

Схема 1. Научная дисциплина в социальном контексте (в единстве структурных и динамических характеристик)

Но и это еще не все. Если мы попытаемся представить научную дисциплину как организм в естественных условиях ее социокультурного окружения, то можем увидеть, что

она в своем нормальном повседневном функционировании зависит в большей или меньшей степени от трех институциональных факторов:

1. Власть, патронат и спонсорство, обеспечивающие ресурсную базу и осуществляющие функции административной, финансовой и законодательной поддержки науки

2. Международное сообщество ученых, представителей данной (или смежных) научных дисциплин, вырабатывающие международные стандарты той или иной научной дисциплины и создающие контекст легитимизации локально проведенных исследований за пределами данного локального научного сообщества

3. Образование и социализация, поддерживающие не только продолжение нормального (т.е. инновационного) функционирования науки, но и ее непрерывное воспроизводство, передачу и сохранение канона и традиции.

Отношения научной дисциплины с этими тремя институтами динамичны и двусторонни (см. графическое представление на схеме 2).

Схема 2. Научная дисциплина как «организм».

По нашему мнению вся эта сложная и целостная (хотя и значительно упрощенная в данном изложении) картина должна лежать в основе будущей, еще не написанной дисциплинарной истории русской психологии и смежных дисциплин. Разумеется, не все многообразие явлений, связей и процессов здесь отражено.

Таким образом, для операционализации оценки прогресса в становлении российской/советской психологии как самостоятельной научной дисциплины мы обращаемся к таким критериям и параметрам:

- * место дисциплины в общей структуре других научных дисциплин в стране и, с другой стороны, ее соответствие аналогичным дисциплинам за пределами страны, поддерживаемым и развиваемым международным научным сообществом;

- * ее роль и административная представленность в «большой» Академии наук (АН СССР, ныне: РАН), специализированных академиях и академических структурах: психологи в качестве членов и членов-корреспондентов Академии Наук СССР, наличие профильных институтов психологии, аффилированных с Академиями наук СССР и (бывших) союзных республик, и т.п.;

- * количество выходцев из данной дисциплины в административных, медицинских, образовательных структурах и среди лауреатов наиболее престижных государственных премий;

- * профильные научные периодические издания и, наконец;

- * положение дисциплины в образовании и учебных курсах – в высшем, среднем и школьном образовании, – представленное в виде учебных планов и учебников, опубликованных под грифом соответствующего федерального или локального Наркомата или Министерства.

2. Предыстория: 1900 – начало 1920-х годов

До 1917 года русская психология развивалась вполне в рамках европейского психологического мейнстрима, точнее сказать: в русле, уже проложенном к тому времени пионерами психологической науки в Европе. Российские ученые зачастую совершали академические поездки в Старый Свет: на учебу, для подготовки к научным званиям или на стажировку, принимали участие в зарубежных конференциях, и с определенной

регулярностью печатались в местных научных журналах, преимущественно на немецком или французском языках. Основная доля научных связей приходилась на Германию и, в меньшей степени, на германоязычные страны (т.е. Австро-Венгрию и Швейцарию), а в еще меньшей степени на Францию и франкофонную Европу. Мирное сосуществование двуязычной зарубежной ориентации русской психологии нарушилось с расколом академического мира, вызванного началом Первой мировой войны в 1914 году. Мощные культурные связи России и Германии благополучно сохранились и после октябрьского восстания 1917 года, при новом режиме. В значительной мере это распространяется и на благоприятную для сотрудничества научную политику этих двух стран, в частности – в области психологии и смежных наук⁷.

Таким образом, русская психологическая наука дореволюционного периода, следовала в кильвате науки европейской, была во многом вторична, неоригинальна, а потому малоинтересна в Европе. Объем переводов психологических работ западных авторов на русский язык (импорт западной психологии в Россию) ощутимо превышал количество переводов работ русских авторов на европейские языки (экспорт русской психологии за границу⁸).

С теоретической точки зрения у русских последователей западных ученых были несколько основных возможностей. Первая -- спекулятивная психология, которая развивалась в рамках тех или иных философских направлений. Вторая, объективистская, то есть эмпирическая и позитивистская психология, основанная на лабораторном эксперименте. Наконец, третья, -- развитие психологии не только как эмпирической, но и прикладной, развивавшейся, как правило, в отличие от первых двух, на конкретном материале лечебно-клинической или учебно-образовательной социальной практики. В известном смысле, можно рассматривать такую прикладную науку если и не как полностью а-теоретическую, но как в значительной степени безразличную к той или иной концептуальной рамке, которая позволяет (или, по меньшей мере, не препятствует) этой науке плодотворно развиваться.

---

⁷ Об интенсивных русско-немецких научных контактах в межвоенный период см., напр.: *Doing Medicine Together: Germany and Russia between the Wars* / S.G. Solomon (ed.) Toronto: University of Toronto Press, 2006. Об одном из наиболее важных советско-германских проектов в области психологии, а именно: о научном обмене и сотрудничестве между исследователями «круга Выготского» и немецко-американскими гештальт-психологами см.: *Ясницкий А.* К истории культурно-исторической гештальтпсихологии: Выготский, Лурия, Коффка, Левин и др. // Психологический журнал Международного университета природы общества и человека «Дубна». 2012. № 1. С. 60–97.

⁸ В целом эта важная тема остается неразработанной в современной историографии. Тем не менее, кое-что о сравнительной переводной публикационной активности русских психологов и их западных коллег на материале анализа данных за 1920–1930-е годы см.: *Ясницкий А.* Об изоляционизме советской психологии: научные публикации 1920–30-х годов // Вопросы психологии. 2011. № 1. С. 124–136.

Справедливости ради, не следует преувеличивать различия между этими тремя возможностями. Так, к примеру, спекулятивная психология, постулировавшая «жизнь», «дух» или «высшие психические функции» как основополагающие объекты своей рефлексии, нередко вполне мирно уживалась в то же время и с эмпирическим лабораторным исследованием «низших функций». С другой стороны, самые ярые сторонники «неакадемического» прикладного направления порой оказывались в то же самое время и в составе профессорско-преподавательского корпуса университетов. И все же: такое совпадение функций «академических ученых» и «прикладников» было несколько нетипичным для элитарной университетской науки Имперской России⁹. И даже участие страны в Первой мировой войне, обнажившей проблему мобилизации научных ресурсов как важной составной части современной военной кампании, не изменило существенно положения дел в русской психологии, как, например, это произошло в Германии, где социальный статус этой дисциплины в 1914–1918 годах резко возрос¹⁰. В этом контексте прикладные психологические исследования в дореволюционной России заслуживают особого внимания. Эти прикладные исследования развивались преимущественно в связи с образовательно-педагогическими и медико-биологическими научно-практическими мероприятиями, при этом социальные запросы, вызвавшие их к жизни, и логика их исторического развития были очень своеобразны и различны.

С одной стороны, развитие прикладного психологического знания шло по линии *народного образования*, представители которого в ряде стран Европы и Америки к концу XIX века осознали необходимость создания научной дисциплины, способной дать теоретическое обоснование и стимул к дальнейшему систематическому развитию практики формального образования¹¹. Весьма характерна и иллюстративна в этом отношении карьера А.П. Нечаева

---

⁹ Об элитарной академической культуре того времени см. анализ, проведенный на немецком материале: *Ringer F.K. The Decline of the German Mandarins: The German Academic Community, 1890–1933. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969.*

¹⁰ См.: *Geuter U. The Professionalization of Psychology in Nazi Germany. Cambridge: Cambridge University Press, 1992.*

¹¹ Об истории разных дисциплинарных проектов в области народного образования и науки о детском обучении и развитии начала двадцатого века в Европе и Северной Америке см., например: *Cohen S. The Mental Hygiene Movement, the Development of Personality and the School: The Medicalization of American Education // Hist. Educ. Q. 1983. Vol. 23. № 2. P. 123–149; Depaepe M. The Heyday of Paedology in Belgium (1899–1914): A Positivist Dream That Did Not Come True // International Journal Educational Research. 1998. Vol. 27. № 8. P. 687–697; Depaepe M. Between Educationalization and Appropriation. Selected Writings on the History of Modern Educational Systems. Leuven: Leuven University Press, 2012; Depaepe M., Simon F., Gorp A.V. The Canonization of Ovide Decroly as a «Saint» of the New Education // History of Education Quarterly. 2003. Vol. 43. № 2. P. 224–249; Hofstetter R. The Construction of a New Science by Means of an Institute and Its Communication Media: The Institute of Educational Sciences in Geneva (1912–1948) // Paedagogica Historica. 2004. Vol. 40. № 5–6. P. 657–683; Nisbet J. Early*

(1870–1948), одного из ведущих представителей и организаторов этого общественного и научно-практического движения¹². Нечаев, выпускник Петербургского университета, был оставлен при университете для подготовки к научному званию и продолжения академической карьеры. Именно с этой целью он был направлен за границу, на два с лишним года (1898–1900), для сбора материалов для его докторского исследования по спекулятивной философии Гербарта. Однако, в ходе ознакомления с современной западной наукой в научных заведениях в Лейпциге, Гёттингене, Йене, Гейдельберге, Цюрихе и в Париже соискатель увлекся новомодными экспериментальными исследованиями и вернулся в Россию с диссертацией в русле экспериментальной науки о человеческой душе, озаглавленной «Современная экспериментальная психология в ее отношении к вопросам школьного обучения» (1901). Неудивительно, что такой поворот событий встретил резкое неприятие профессуры, твердо стоявшей на позициях спекулятивной академической философии, и диссертация Нечаева была провалена, что повлекло за собой его увольнение из университета и, казалось бы, конец академической карьеры. Тем не менее, в сложившейся ситуации был найден выход: Нечаев получил предложение от дирекции петербургского Педагогического музея военно-учебного ведомства¹³ и уже в октябре 1901 года при музее была основана экспериментальная лаборатория, укомплектованная установками и оборудованием, сконструированным в Германии по специальному заказу Нечаева. Эта лаборатория предоставила площадку для дальнейшей научно-практической работы в самом центре Петербурга и стала организационным центром для последующих мероприятий по консолидации нового общественного движения. На рубеже веков происходит заметная активизация международного движения за создание «науки о детском развитии и образовании»¹⁴, и российские деятели народного образования следуют за своими коллегами на Западе, преимущественно в США, Швейцарии, Бельгии, Франции, Германии и Голландии.

Textbooks in Educational Research: the Birth of a Discipline // European Educational Research Journal. 2002. Vol. 1. № 1. P. 37–44.

¹² О Нечаеве см.: Романов А.А. А.П. Нечаев: у истоков экспериментальной педагогики. М.: Изд-во РОУ, 1996. Режим доступа: http://elib.gnpbu.ru/text/romanov_nechaev-u-istokov--pedagogiki_1996, свободный (дата обращения: 21.02.2014); Никольская А.А. А.П. Нечаев: жизненный и творческий путь // Вопросы Психологии. 1997. № 2. С. 100–112. Режим доступа: http://www.voppsy.ru/journals_all/issues/1997/972/972100.htm, свободный (дата обращения: 21.02.2014); Аншакова В.В. Вклад А.П. Нечаева в становление и развитие возрастной и педагогической психологии: Материалы к спецкурсу. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2002. Режим доступа: http://elib.gnpbu.ru/text/anshakova_vklad-nechaeva--psihologii_2002, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

¹³ Музей основан в 1864 году.

¹⁴ См., напр.: Claparède É. Experimental Pedagogy and the Psychology of the Child. L.: Edward Arnold, 1911. Режим доступа: <https://archive.org/details/experimentalpeda00claprich>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

В результате значительной по объему исследовательской, научно-практической и общественной работы были проведены Всероссийские съезды по *педагогической психологии* (первый и второй съезд, соответственно в 1906 и 1909), а затем, после учреждения в Петербурге в 1910 году Общества экспериментальной педагогики, и трех Всероссийских съездов по *экспериментальной педагогике* (с первого по третий, соответственно в 1910, 1913, 1916), все – в Санкт-Петербурге/Петрограде.

Дисциплинарная неопределенность статуса образовательной практики, ищущей своего научного обоснования, и динамика изменений дисциплинарной самоидентичности специалистов по педагогике хорошо прослеживается по одним только названиям их съездов. Помимо этого, следует назвать и еще один дисциплинарный проект, интенсивно развивавшийся наряду с «педагогической психологией» и «экспериментальной педагогикой» представителями западного народного образования и их последователями в России. Это зарождающаяся наука *педология*, понимаемая как комплексное и интегральное исследование ребенка в его развитии. Вряд ли можно говорить о каких-то принципиальных различиях между этими тремя терминологическими нововведениями, имевшими параллельное хождение в то время. Единственное, пожалуй, что их различало, это географическое распределение сторонников того или иного наименования формирующейся науки о ребенке, развитии и образовании. Так, «педология», изначально по своему происхождению американский проект¹⁵, весьма недолго была популярна в Европе до начала Первой мировой (хотя интерес к ней и был заметным), а по ее завершении растеряла своих поклонников, отказавшихся от этого самоназвания в пользу других, по всей видимости, менее амбициозных и революционных -- или более традиционных и устоявшихся -- наименований, таких как «педагогическая психология», «экспериментальная педагогика» или «образовательная наука»¹⁶.

С другой стороны, к концу XIX века запрос на некоторую «психологизацию» своей области вызрел среди представителей медицинских специальностей, в определенной степени разочарованных положением дел в традиционной, то есть соматической, механистической и позитивистской медицине того времени. И в самом деле, практикующие врачи не могли не

---

¹⁵ См., напр.: *Chrisman O.* Paidology; The Science of the Child. The historical Child. Boston: R.G. Badger, 1920. Режим доступа: <https://archive.org/details/paidologyscience00chri>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

¹⁶ О судьбе педологии в начале века в России и на западе см.: *Byford A.* Turning Pedagogy into a Science: Teachers and Psychologists in Late Imperial Russia (1897–1917) // *Osiris*. 2008. Vol. 23. P. 50–81; *Depaere M.* The Heyday of Paedology in Belgium (1899–1914): A Positivistic Dream That Did Not Come True // *International Journal of Educational Research*. 1998. Vol. 27. № 8. P. 687–697.

замечать разрыва между теми теоретическими концепциями человека и его болезни, которые им предлагались в ходе их университетского обучения, и практикой, которая постоянно сталкивала их с проблемой «человеческого фактора», – то есть результатами повседневной жизнедеятельности пациентов, их свободной волей действовать и интерпретировать происходящее по своему усмотрению.

В разных областях медицины эта психологизация принимала разные формы. Так, например, в области невропатологии и психиатрии¹⁷, наиболее чувствительной к признанию факта существования «души» и «душевных недугов» человека, конец XIX – начало XX века ознаменовались движением за гуманизацию психиатрической практики в форме «психиатрии нестеснения». Основным лозунгом тут было содержание психически больных в условиях постельного режима -- в противоположность «психиатрии сдерживания», при которой больные содержались в богадельнях в полутюремных условиях изоляторов, зачастую – в цепях и оковах. Последовательным логическим развитием этой тенденции стала идея амбулаторного и диспансерного лечения нервно-психических заболеваний и, далее, общественной профилактики психического здоровья населения. Это движение получило свое институциональное развитие в Соединенных Штатах и в Европе в виде «психической гигиены» (*mental hygiene*), а в русскоязычной традиции стало известным под названием *психогигиены*¹⁸. В начале XX века неврология и психиатрия получила дополнительный – и мощный – импульс в сторону академизации в результате разработки проблематики гипноза и внушения, понимаемых как методика вербального и невербально-поведенческого (то есть немедикаментозного и бесконтактного) воздействия на больного. Главную роль тут сыграли новаторские работы французских медиков и исследователей из Парижа и Нанси, а также первых публикации Фрейда и его последователей, заложившие основы практики *психотерапии*. Впоследствии достижения медицинской практики, вдохновленной идеями гипноза, внушения и психотерапии, уже в развитой форме распространилась далеко за пределы психиатрического и неврологического сегмента медицины. Суммарно, период рубежа веков может быть охарактеризован как время оживления психологических интересов

---

¹⁷ Замечательный очерк истории психиатрии в свете очерченной здесь проблематики см. в: *Каннабих Ю.В.* История психиатрии. Л.: Государственное медицинское издательство, 1928. Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/kanny01/index.htm>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

¹⁸ Об эпизоде ранней истории дисциплинарного «импорта-экспорта» психогигиены см.: *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей // Вопросы психологии. 2012. № 2. С. 66–79. Режим доступа: [http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20\(2012\)_VopPsy_2.pdf](http://individual.utoronto.ca/yasnitsky/texts/Yasnitsky%20(2012)_VopPsy_2.pdf), свободный (дата обращения: 21.02.2014).

в области медицинской теории и практики в силу растущего признания в среде медицинских специалистов роли «слова как физиологического и лечебного фактора»¹⁹. Все эти разнообразные, но зачастую перекликающиеся попытки «психологизации» (и в определенной степени «социологизации») медицины, зародившиеся в Америке и Западной Европе, нашли свое прямое отражение в деятельности представителей медицинской специальности и в России. При этом следует отметить, что, по всей видимости, в силу традиционно консервативного склада мышления и узко-клановой социальной организации врачебного сообщества им благополучно удалось дистанцироваться от самопровозглашенных «психологов»-теоретиков спекулятивно-идеалистического и академического толка. С другой стороны, эмпирически-экспериментальная «психология» – благодаря своей естественнонаучной теоретической ориентации – нередко вызывала определенную симпатию у представителей медицинских специальностей, что приводило к плодотворному сотрудничеству внутри профессионального альянса врачей-практиков и психологов-эмпириков.

Самым, пожалуй, ярким воплощением такого единства практики, лабораторного психологического эксперимента и прикладных психолого-медицинских исследований был гигантский научно-практический проект, заложенный В.М. Бехтеревым (1857–1927) еще в его бытность в Казани в конце XIX века (1885–1893), но в полной мере развитый лишь в Петербурге в начале XX века.

По своему вкладу в самые разнообразные научно-теоретические, исследовательские, административно-организационные и практически-прикладные проекты значение Бехтерева трудно переоценить. В круг внимания *дисциплинарную историографию* русской психологии Бехтерев попадает лишь с начала XX века, примерно с 1907 года, когда он завершает публикацию своего монументального труда по анатомии и физиологии нервной системы («Основы учения о функциях мозга», на 2500 страницах, в семи выпусках, 1903–1907). Тогда действительно начинается принципиально новый период его научной биографии. Он ознаменовался началом публикации другой фундаментальной работы Бехтерева под характерным названием «Объективная психология» (в трех выпусках, в 1907–1912), в которой тот недвусмысленно заявил свои амбиции на доминирование не только в анатомии,

---

¹⁹ Об этом см. в пионерской, но до сих пор недооцененной работе под редакцией харьковского профессора К.И. Платонова «Слово как физиологический и лечебный фактор» (Харьков, 1930); см. в: Психотерапия: сб. ст. / Под ред. проф. К.И. Платонова // Украинский психоневрологический институт. Труды. Т. XIV. Харьков: Государственное издательство Украины, 1930.

физиологии, психиатрии и неврологии, но и в эмпирической (т.е. «объективной») психологии. Эта работа, очевидно, появляется не на пустом месте, и ее публикации предшествуют такие значимые вехи научно-административной биографии Бехтерева, как основание и активное участие в работе журналов «Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии» (Петербург, основан в 1896²⁰) и «Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма» (Петербург, основан в 1904; с 1912 выходил под названием «Вестник психологии, криминальной антропологии и педологии»²¹) и председательство в Русском обществе нормальной и патологической психологии (Петербург, с 1900 года). Тем не менее, именно «объективная психология» выдвинула его на первый план не только как организатора науки, но и как теоретика этой научной дисциплины, чей собственно научный вклад с этого времени мог быть в полной мере оценен не только его compatriотами, но и иностранными учеными²².

В том же 1907 году состоялось событие, которое открыло новую главу в истории институционализации русской психологии, а именно основание в Петербурге под руководством Бехтерева нового исследовательского и учебного заведения, беспрецедентного по своему замыслу и широте охвата дисциплин о человеке (как биосоциальном организме). *Психоневрологический институт* под руководством Бехтерева стал тем центром научной работы и университетской подготовки кадров, который дал старт многим психологическим исследованиям, проводившимся в рамках реализации бехтеревской комплексной и междисциплинарной программы исследования человека. Здесь раскрылись и профессионально реализовались несколько исключительно ярких исследователей, – например, А.Ф. Лазурский (1874–1917), который курировал психологические исследования в бехтеревских учреждениях еще с конца 1890-х (например, в Психологической лаборатории при бехтеревской клинике душевных и нервных болезней), а впоследствии возглавил исследования по психологии также и в Психоневрологическом институте. Также под эгидой

---

²⁰ См. библиографические данные издания: *Обозрение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии* // Библиография периодических изданий России, 1901–1916 / ФЭБ «Русская литература и фольклор» [Электр. ресурс]. [М.]: ИМЛИ РАН, сор. 2002–2014. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb2/bb2-5014.htm>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

²¹ См. библиографические данные издания: *Вестник психологии, криминальной антропологии и гипнотизма* // Библиография периодических изданий России. № 1068 / ФЭБ «Русская литература и фольклор» [Электр. ресурс]. [М.]: ИМЛИ РАН, сор. 2002–2014. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/bb1/bb1-2221.htm>, свободный (дата обращения: 21.02.2014).

²² См., напр., перевод на французский: *Bechterew W. La psychologie objective, par W. Bechterew; traduit du Russe par N. Kostyleff. P.: Alcan, 1913 (III, 478 p.)*; или перевод на немецкий: *Bechterew W. Objektive Psychologie, oder Psychoreflexologie, die Lehre, von den Assoziationsreflexen, von W. von Bechterew. Autorisierte Übersetzung aus dem Russischen. Mit 37 Figuren und 5 Tafeln. Leipzig; B.: B.G. Teubner, 1913 (XVIII, 468 S.)*.

бехтеревского научно-административного мега-проекта и бок о бок с Лазурским работал и уже упомянутый А.П. Нечаев, который активнейшим образом продвигал свою прикладную исследовательскую программу «педагогической психологии», «экспериментальной педагогики» и «педологии». В этой же команде²³ под начальством Бехтерева работал и А.А. Крогиус (1871–1933), защитивший свою диссертацию под научным руководством Бехтерева в Военно-медицинской академии в 1909 году²⁴ и ставший фактически первым российским исследователем психологии слепых²⁵.

Содержательный анализ научной программы Бехтерева остается за рамками данного исторического очерка. Можно высказать осторожное мнение, что существовал определенный разрыв между, с одной стороны, его теоретическим кредо исследования рефлексов как естественнонаучного коррелята психических явлений и, с другой – провозглашаемой им направленностью на *всестороннее* изучение личности в ее естественных конкретно-исторических и социальных условиях. Вероятно, такое теоретическое основание в принципе не позволяет реализовать в полной мере исследование личности и общества без крайностей упрощенчества и биологического редукционизма. Несмотря на это, нельзя не признать, что при всем при том работа этой группы исследователей (а также их сотрудников, учеников и последователей) дала огромный импульс психологическим исследованиям в стране, в большей степени заметный в Петербурге (впоследствии Петрограде и Ленинграде), Украине (в частности – в Харькове) и др. исследовательских центрах по всей стране, – в основном за пределами Москвы. Реальный масштаб и актуальность этого импульса остаются не до конца оцененными до сих пор.

Тем не менее, вклад «бехтеревской империи», объединявшей несколько десятков научных, медицинских и образовательных заведений, в традиционной дисциплинарной историографии русской психологии выглядит не таким уж значительным. Думается, тому существуют две основных причины. Первая причина: сам Бехтерев, предложивший программу исследований в русле «объективной психологии», в определенный исторический момент – на рубеже 1917–1918 годов – делает несколько неожиданный и радикальный разворот в сторону от *психологии* и провозглашает новый курс, на новую научную

---

²³ Так, к примеру, именно этой команде суждено было подготовить к печати несколько томов обширнейших «Основ физиологической психологии» Вильгельма Вундта, вышедших в русском переводе в начале 1910-х в Петербурге под редакцией А.А. Крогиуса, А.Ф. Лазурского и А.П. Нечаева.

²⁴ См.: *Крогиус А.А.* Процессы восприятия у слепых: дисс. ... степень доктора медицины. СПб.: Сенатская Типография, 1909.

²⁵ Об А.А. Крогиусе см. содержательную, недавно подготовленную, но еще не опубликованную работу: *Maslov K.* В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. Tallinna Ülikooli Kirjastus: TPÜ Kirjastus, 2013.

дисциплину, которую он именует *рефлексологией*. При этом Бехтерев не просто подвергает критике психологию как научную дисциплину, но в своей критике идет еще дальше и выступает с предложением ликвидации ее как таковой. Вторая причина весьма прозаична: историю пишут победители, а победителями в деле психологического дисциплиностроительства в СССР оказались представители московских институций, и именно их версия научного прошлого считается канонической и общепринятой в современном психологическом сообществе как в России, так и за ее рубежами. Несмотря на колоссальный импульс, который придала деятельность Бехтерева (и, еще важнее – его сотрудников) распространению интереса к психологии и психологическому мировидению в прикладных областях знания, – в первую очередь в образовании и медицине, – тем не менее, картина становления психологии именно как научной дисциплины обычно рисуется с непременным соблюдением «культы Института психологии» в Москве – первого заведения такого рода в России.

Институт психологии в Москве был официально учрежден в 1912 году (открылся двумя годами позже) по инициативе профессора Московского университета Г.И. Челпанова (1862–1936) и, так же как и Психоневрологический институт Бехтерева в Петербурге/Петрограде, финансировался из фонда частных пожертвований (в первую очередь, из средств предпринимателя С.И. Щукина и, согласно его воле, получил имя его покойной жены, Л.Г. Щукиной). И именно ему суждено было стать первым российским *Психологическим* институтом. Впрочем, даже в Москве это была далеко не первая организация, в названии которой фигурировала психология. Так, к примеру, по инициативе ряда профессоров Московского университета, представлявших практически все факультеты университета, еще в 1885 году было основано Московское *психологическое общество*, с 1889 года издававшее журнал «Вопросы философии и *психологии*», который вскоре стал важнейшим *философским* журналом в России. Характер общества было всегда весьма пестрым; оно включало не только университетскую профессию, но и тех, для кого размышления о «вечных вопросах», о «духе», «душе» и «духовной жизни» входили в круг непосредственных интересов, – например, служителей искусства (членами общества были Л.Н. Толстой, А.А. Фет, А.Н. Скрябин, В.И. Немирович-Данченко и Ю.И. Айхенвальд) или общественных деятелей. Очевидно, что в задачи данного общества не входила такая частная и узко-специальная проблема, как систематическая разработка и создание теории и методологии собственно психологического эмпирического исследования или общественной

практика утверждения *психологии* в качестве *самостоятельной научной дисциплины*. Но именно в этом интеллектуальном окружении к идее создания Психологического института приходит Челпанов, – профессор философии Московского университета с 1907 г. (ранее – профессор Киевского университета), который вел там психологический семинарий и при этом активно участвовал в жизни Московского психологического общества.

Идея университетского «института психологии» при университете, при ее новизне в России и основательности финансовой и административной поддержки этого проекта в Москве, была далеко не новинкой за границей. Так, в одной только Германии к началу Первой мировой войны в 1914 года было создано уже пятнадцать институтов психологии при целом ряде ведущих университетов страны²⁶, и московский институт вполне следовал западной модели. При организации и оснащении нового института в Москве Челпанов опирался на свой опыт непосредственного знакомства с работой таких организаций в Германии (Лейпциг, Берлин, Бонн и Вюрцбург) и в Соединенных Штатах (психологические лаборатории в Гарварде, Корнелле, Чикагском, Мичиганском, Филадельфийском, Уэслианском, Колумбийском университете, в Йеле и Университете Кларка)²⁷. Челпановский Психологический институт, задуманный как «учено-учебное учреждение университета, имеющее целью научную разработку психологии и распространение знаний в этой области», представлял собой в первую очередь учебное заведение. В силу того, что он, естественным образом, был продолжением челпановского семинария психологии, на сегодняшний взгляд он гораздо больше походит на обычный университетский факультет психологии, чем на научно-исследовательский институт²⁸. И в самом деле, практически вся деятельность этого заведения была завязана на его директора, профессора университета Челпанова. Правда, по признанию его сотрудника, «допустив создание института, министерство ряд лет отказывало

---

²⁶ Список этих институтов см. в: *Ash M.G. Gestalt Psychology in German Culture, 1890–1967: Holism and the Quest for Objectivity*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1995. P. 413–414.

²⁷ Об этом см. свидетельства самого Челпанова, включая отчет о специальной ознакомительной поездке в Соединенные Штаты, смету на постройку нового здания и приобретение оборудования для нового института, временные правила нового структурного отдела при Московском университете, и тому подобное, в публикации в журнале «Вопросы психологии» (1992. № 3). См. также: Речи и приветствия на торжественном открытии Психологического института им. Л.Г. Щукиной при императорском Московском университете // *Вопросы психологии*. 1992. № 5. С. 41–44. Большой интерес в этом контексте представляют также мемуары: *Рыбников Н.А.* Как создавался Психологический институт // *Вопросы Психологии*. 1994. № 1; Из автобиографии Н. А. Рыбникова – одного из первых сотрудников психологического института // Там же. Режим доступа: <http://www.voppsy.ru/issues/1994/941/941011.htm>, свободный (дата обращения 21.02.2014); *Гордон Г.О.* Из воспоминаний о Г.И. Челпанове // *Вопросы Психологии*. 1995. № 1. Режим доступа: <http://voppsy.ru/issues/1995/951/951084.htm>, свободный (дата обращения 21.02.2014).

²⁸ Такое резкое разделение на учебные и исследовательские заведения в России появилось лишь после революции 1917 года.

в оплате труда персонала института. Достаточно сказать, приводя свидетельство одного из сотрудников, что первые годы своего существования институт пользовался бесплатным трудом лаборантов и ассистентов», -- таким образом, «в первые годы существования института [вплоть до 1917 года] его штат состоял из двух-трех человек»²⁹. Так или иначе, это обстоятельство никак не умаляет важности рекламно-пропагандистской составляющей в деятельности Института психологии в Москве в процессе становления *психологии* как научной, эмпирической дисциплины в России.

Что же касается интеллектуально-научной составляющей, то Челпанов являет собой прекрасный пример того, насколько легко могут соединяться и сосуществовать в рамках одного проекта спекулятивная, то есть неэмпирическая и философски-ориентированная, психология и, с другой стороны, эмпирическая психология лабораторно-эмпирического склада. И вправду, в опубликованных работах Челпанову удавалось непринужденно сочетать рассуждения о «душе» как объекте психологических спекуляций с обсуждением экспериментальных лабораторных исследований в позитивистском и естественнонаучном ключе. Впрочем, даже и в этом он не был оригинален, а в полной мере следовал за своим наставником и, можно предположить, примером для подражания – лейпцигским профессором Вильгельмом Вундтом (1832–1920)³⁰. Очевидно, что в таком контексте о полномасштабных прикладных исследованиях в области образования или здравоохранения речь и не заходила: ни лабораторные экспериментальные психофизиологические исследования рефлексов, скорости реакции, иллюзий восприятия, и т.п., ни метафизические спекуляции о «душе», «духовной жизни», «воспитании нравственности» или о «духе народа» для этих целей решительно не подходили. Очень иллюстративны воспоминания ближайшего сотрудника Челпанова по институту Н.А. Рыбникова (1880–1961):

В течение пяти лет работая в лаборатории, я неплохо освоил технику и методику экспериментальной психологии. Хотя основной моей темой была память, но я последовательно брал и остальные темы. Помню, что дольше других задержался на осязании, бинокулярном зрении. Вот почему, когда в 1913 году мы переезжали во вновь отстроенное здание Психологического института, я считал, что в основном своей специальностью (экспериментальной психологией) я овладел. И в новом здании

---

²⁹ См.: *Рыбников Н.А.* Как создавался Психологический институт // Вопросы Психологии. 1994. № 1. С. 6–7.

³⁰ Примера ради, см. такую характерную публикацию как: *Челпанов Г.* Мозг и душа. Критика материализма и очерк современных учений о душе / 6-е изд. СПб.: Изд. Т-ва В.В. Думнов, 1918[1900].

я продолжал свою работу по психологии памяти, но уже не с тем подъемом, как раньше. ...Кроме того, у меня появились новые интересы (педагогическая психология), которые не только не находили поддержки у руководителя, но даже наоборот – он их осуждал. ...Вот почему я постепенно уходил от института, душой был в Педагогическом музее Учительского дома, где велась живая и для меня более интересная работа³¹.

Тем не менее, именно спекулятивная психология и лабораторные экспериментальные исследования остаются на повестке дня челпановского института. Очевидно, что признание сосуществования как «души», так и «тела» («мозга») и сведение их к крайностям либо бехтеревской психофизиологии (к *рефлексу*), либо челпановского спиритуализма и его «критики материализма», и при этом сравнительно независимое развитие прикладных психологических дисциплин в таких сферах, как образование и здравоохранение – все это вряд ли способствовало выработке общих оснований и принципов психологии как самостоятельной научной дисциплины. Это стоит отметить, несмотря на пропагандистский успех Института психологии как первого собственно психологического научного заведения в стране. Ситуация существенно изменилась после начала революционных преобразований 1917 года.

3. «Если бога нет, то все дозволено»: 1920-е – начало 1930-х

Прогрессивные и революционные социально-политические идеи начала XX века в России в большинстве принадлежали к таким же «импортным» изделиям, что и психологические теории и методы научного исследования. В этом смысле русские революции 1905–1917 являются прямым продолжением и реализацией тенденцией к модернизации общества, общей для России, Западной Европы и Северной Америки того времени³². Тем не менее, у российского сценария общественного развития были и свои, весьма характерные черты – радикальный слом традиционных общественных институтов (связанных с институтом церкви, включая и отделение ее от государства), национализация

---

³¹ См.: Из автобиографии Н.А. Рыбникова – одного из первых сотрудников психологического института // Вопросы Психологии. 1994. № 1. С. 13.

³² См. об этом, напр.: *Hoffmann D.L.* Cultivating the Masses. Modern State Practices and Soviet Socialism, 1914–1939. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2011.

промышленного производства, государственный контроль за всеми сферами общественной жизни, и, вскоре после большевистского переворота 1917 года, установление однопартийной политической системы,. Помимо этого следует упомянуть и рационализм и сциентизм нового руководства страны, верившего не только в возможность радикального изменения общественного устоя, но и в рациональное, научное социальное моделирование и прогнозирование общественных процессов.

Большевики исключительно высоко ставили науку, которая для них являлась одним из важнейших рычагов модернизации и преобразования всей общественной жизни. Кроме того, весьма актуальным был вопрос о признании СССР за рубежом, и здесь трудно переоценить ту роль, которую играли в «культурной дипломатии»³³ и в деле укрепления международной репутации Советского Союза известные деятели науки и культуры, примкнувшие к грандиозному большевистскому эксперименту по преобразованию человека и общества (в этом отношении очень характерен пример поразительной уступчивости и покладистости большевиков, сумевших убедить остаться в стране и склонить к сотрудничеству нобелевского лауреата физиолога И.П. Павлова, никогда не скрывавшего своей неприязни к новой власти³⁴).

Ресурсы, предоставленные новой властью советским ученым на развалинах старого мира, были весьма значительны – хотя и претендентов на свою долю в научном секторе бюджета страны было предостаточно. Все это привело к тому, что именно в послереволюционные годы, как грибы после дождя, возникают новые, зачастую конкурирующие научные направления, объединения и исследовательские программы. И прежний разрыв между теоретической спекуляцией «о душе», экспериментальной практикой в лаборатории и социальной практикой сотворения «нового мира» на «руинах старого», с точки зрения нового этоса постреволюционной науки становится просто недопустимым. И наконец, учитывая то обстоятельство, что одни и те же научные деятели зачастую принимали участие в совершенно различных проектах, принадлежавших, казалось бы, разным дисциплинам, совершенно очевидно, что изолированное видение этих начинаний будет неверным. и, напротив, рассматривать их следует как целостное образование, во всем единстве составляющих его частей.

---

³³ О «культурной дипломатии» см. недавнюю работу: *David-Fox M. Showcasing the Great Experiment: Cultural Diplomacy and Western Visitors to the Soviet Union, 1921–1941. Oxford, UK: Oxford University Press, 2012.*

³⁴ Об этом см., напр.: *Тодес Д. Павлов и большевики // Вопросы истории естествознания и техники. 1998. № 3. С. 26–59.*

Так, первую, «импортированную», группу научных дисциплин и связанных с ними общественных практик составили *педология* (комплексная наука о детстве и развитии ребенка), *психотехника* (т.е., дисциплина, изучающая роль человеческого фактора в разных областях человеческой деятельности с целью ее рационализации и непосредственно связанная с вопросами формирования кадров и профессионального отбора, утомляемости и профессиональных заболеваний, научной организации и психофизиологии труда, и т.п.), *социальная гигиена* и *психогигиена* (наука об укреплении нервно-психического здоровья, предупреждении и борьбе с нервно-психическими заболеваниями, а также соответствующая теория и практика оздоровительных мероприятий), *психотерапия* (планомерное пользование психическими средствами для лечения различных болезней и научная область, изучающая закономерности такого лечения).

Вторую группу «доморощенных» научных дисциплин составили *рефлексология* (теория «объективной психологии» В.М. Бехтерева, резко сменившая терминологический аппарат после 1917 года), *дефектология* (понимаемая как учение и социальная практика компенсации и преодоления замедленного и аномального физического и психического развития детей и как борьба с «моральными» и «социальными» дефектами детского развития, такими как, например, детская преступность и беспризорничество), и *реактология* (поведенческая наука о системах реакций, представленная ее защитниками в качестве оппозиции старой, традиционной психологии, расколотой между метафизически-спекулятивной, экспериментально-лабораторной и прикладной сферами ее бытования). В этом же ряду стоит *психоневрология*, – слово, которым Бехтерев обозначал свои комплексные и междисциплинарные научные проекты. Так, например, атрибут «психоневрологический» фигурирует в названии Психо-Неврологического института, который Бехтерев открыл до революции в Петербурге в 1907 году, или Психоневрологического института, основанного после революции в Харькове в 1922 году и реорганизованного десятилетием позже в Украинскую Психоневрологическую Академию (УПНА). Тем не менее, все же неправомерно говорить о том, что «*психоневрология*» позиционировалась как самостоятельная научная дисциплина. Скорее, судя по доступным нам текстам, под этим словом понимался тогда комплекс относительно самостоятельных, хотя и взаимосвязанных, смежных дисциплин о человеке, – психиатрии, психологии, неврологии, криминологии, антропологии и т.п., – которые время от времени объединялись в различные междисциплинарные проекты, но при этом могли существовать и сравнительно независимо одна от другой.

При всемерной поддержке большевистского правительства в Советском Союзе на протяжении 1920-х образуется разветвленная и распространенная на всю страну сеть специалистов, занятых во всевозможных проектах в области психологии и смежных, преимущественно прикладных, дисциплин. Описание всей этой сети в ее целостности заведомо не вместились бы в пределы отдельно взятой статьи, а по своему объему заслуживало солидной книги, а возможно и не одной. Объектами такого будущего исследования должны стать научные сообщества, институты, периодические издания, научные съезды и конференции, а также формы государственного патронажа и поддержки власти, примеры низовой инициативы и самоорганизации как всего профессионального сообщества, так и индивидуальных научных и общественных деятелей³⁵.

Итак, что же представляли собой эти многочисленные психоневрологические научные дисциплины и, в частности, каково было место психологии среди них? Попытаемся расположить различные «психоневрологические» дисциплины внутри очерченного ранее континуума от философии до народного хозяйства (см. Таблицу 1). При этом необходимы две оговорки. Первое: как было уже указано, в послереволюционный период абстрактное теоретизирование все еще возможно, но в существенно суженном объеме и строго заданных рамках материалистической, марксистской философской модели – причем в той мере, в какой это теоретизирование потенциально соответствует задачам практического преобразования общества. Второе: лабораторное экспериментирование остается составной частью «психоневрологической» науки, но для наших целей обсуждения роли и места различных дисциплин в едином дисциплинарном «гештальте» наук о человеке эта составляющая науки выносится за скобки.

---

³⁵ Об этом см. отличный, хотя и фрагментарный и несколько устаревший очерк, посвященный дисциплинарной истории *педологии*: *Эткинд А.М.* Общественная атмосфера и индивидуальный путь ученого: опыт прикладной психологии 20-х годов // Вопросы Психологии. 1990. № 5. Режим доступа: <http://voppsy.ru/issues/1990/905/905013.htm>, свободный (дата обращения 21.03.2014); см. также недавнюю публикацию: *Minkova E.* Pedology as a Complex Science Devoted to the Study of Children in Russia: The History of Its Origin and Elimination // Psychological Thought. 2012. Vol. 5. № 2. Режим доступа: <http://psyct.psychopen.eu/article/view/23>, свободный (дата обращения 21.03.2014). В области истории *психотехники* огромную работу провела О.Г. Носкова, см.: *Носкова О.Г.* История психологии труда в России (1917–1957). М.: Изд-во МГУ, 1997. Кое-что было сделано и в области истории русской и советской *психогигиены*, см.: *Сироткина И.Е.* Психопатология и политика: становление идей и практики психогигиены в России // Вопросы истории естествознания и техники. 2000. № 1. С. 154–177; *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Интеллектуальная история как миграция, трансформация и циркуляция идей // Вопросы Психологии. 2012. № 2. С. 66–79. Для обзора истории дефектологии см.: *Замский Х.С.* История олигофренопедагогики. М.: Просвещение, 1980. Вып. 2.; также очень информативной представляется работа: *Maslov K.* В свете незримого: жизнь и судьба А.А. Крогиуса. Tallinna Ülikooli Kirjastus: TPÜ Kirjastus, 2013.

Следует различать две основные группы внутри континуума наук о человеке применительно к 1920-м годам. Первую группу образуют дисциплины, которые претендовали на статус общей, объединительной теории, способной объяснить данные, собранные всеми другими, вспомогательными дисциплинами. По вполне понятным причинам, эти дисциплины были особенно близки к философии и представляли собой промежуточное и переходное звено от диалектического и исторического материализма к эмпирическим исследованиям. Вторая группа – это те дисциплины, само существование которых было вызвано к жизни общественными нуждами; они были связаны с прикладными исследованиями в естественных условиях, то есть за пределами психологических и физиологических лабораторий.

Начнем с первой совокупности. *Психология* традиционно претендовала на статус общей науки о человеке. Тем не менее, основная трудность с «психологией» в послереволюционном и секулярном государстве заключалась в том, что она принципиально была неспособна ответить на, весьма простой и в то же время основополагающий вопрос: что является предметом этой дисциплины? И в самом деле, психология как «наука о душе», вряд ли могла удовлетворить социальный запрос на марксистскую материалистическую науку, а альтернатива старорежимной «душе», которая обеспечила бы всеобщее согласие представителей этой дисциплины, не только не виделась тогда, но, пожалуй, не найдена и до сих пор. В ситуации советской науки 1920-х такое положение вещей подталкивало к радикальным альтернативным решениям, например, к идее о несостоятельности психологии как таковой и необходимости ее замены на другую науку с четко обозначенным предметом ее исследования. В качестве такой альтернативы была предложена *рефлексология* как научный эрзац психологии, прочно опирающийся на исследования физиологических *рефлексов*, которые, по мнению сторонников этой дисциплины, составляют основу всех не только физиологических, но и психологических явлений и процессов. Лидерство в этой новоявленной и воинствующей «материалистической» дисциплине о человеке принадлежало ее создателю В.М. Бехтереву, который оперативно ввел рефлексологию в оборот практически сразу после октябрьского переворота 1917 года. Другую альтернативу психологии как общей теоретической науке составила *реактология* К.Н. Корнилова, постулирующая *реакцию* как предмет универсальной науки о человеке и предположительно преодолевающая узкий физиологический редукционизм рефлексологии. С точки зрения социального позиционирования реактологии эта новоявленная дисциплина наталкивалась на

фундаментальную проблему -- ее основатель Корнилов с ноября 1923 г. состоял директором московского Института *психологии* (!). Это произошло после отстранения от руководства институтом его основателя Челпанова, который, похоже, так и не осознал смысла произошедших социальных перемен, а потому продолжал проводить в науке консервативную линию и был фактически обречен на увольнение при власти большевиков. Как следствие Корнилов оказался в несколько двойственной позиции, с одной стороны, как основатель «*реактологии*», а с другой стороны, – как обладатель должности директора Института психологии и самопровозглашенный лидер «марксистской *психологии*» в стране (см. Таблицу 2).

Философия				
Общая (психологическая) теория: <i>психология, рефлексология, реактология</i>				
Прикладные эмпирические исследования: <i>психотерапия, дефектология, педология, психогигиена, психотехника</i>				
Индустрия и народное хозяйство				
Медицина и здравоохранение	Образование и воспитание	Промышленность и труд	Военное дело	Пропаганда и агитация

Таблица 2. Дисциплинарное устройство советской психологии в 1920-е годы.

Во второй совокупности, наряду с этими общими теориями и дисциплинами «человековедения», развивался и ряд прикладных областей исследования и социальной практики, которые, строго говоря, не претендовали на звание самостоятельных академических дисциплин и благополучно находили поддержку и подчас весьма щедрое финансирование на уровне государственных и правительственных структур – применительно к соответствующим сферам общественной жизни (медицина и здравоохранение, образование и воспитание, индустрия и промышленность, и, в сравнительно меньшей степени, военное дело, а также пропаганда и агитация). Проекты, которые реализовывались в рамках этих прикладных дисциплин, чаще всего проводились в рамках деятельности ведомств, работавших под эгидой Наркоматов (впоследствии – министерств) просвещения, здравоохранения, труда, путей сообщения, тяжелой промышленности, и т.п. При этом некоторые могли получать финансирование одновременно из разных ведомственных источников. Такое происходило нередко именно благодаря тому, что научные деятели могли

с легкостью мигрировать из одной дисциплины в другую и представлять реализацию одного и того же исследовательского замысла в виде нескольких разных проектов. Это обстоятельство не могло не вызывать некоторой настороженности спонсоров и покровителей науки в период НЭПа, но до конца 1920-х власть обычно ограничивалась минимальным вмешательством в инициативы снизу. Сталинский «великий перелом» существенно изменил положение дел в дисциплинарной расстановке сил в советской науке.

4. Великий перелом: 1929 – начало 1930-х годов

«Великий перелом», провозглашенный Сталиным в самом конце 1920-х годов по сути означал радикальную смену всего общественного устройства страны – прежде всего, невиданный ранее рост государственного контроля за общественной жизнью. Очевидно, что это не могли не отразиться на расстановке сил и социальном статусе психологических дисциплин. Причина тому достаточно прозаична: в отличие от многих других, условно говоря, «классических» научных дисциплин, психология в СССР на начало 1930-х так и не смогла получить признание и закрепиться на уровне Академии наук СССР, да и ее успехи в структурах менее престижной Коммунистической Академии были недостаточно весомы. Лишь в 1928 году начали выход такие журналы как «Психология», «Педология» и «Психотехника и психофизиология», что хотя и было свидетельством успеха этих дисциплин, но успеха сравнительно незначительного. Основной проблемой было то, что границы между этими и смежными с ними дисциплинами и общественными практиками не были четко очерчены, а потому, вполне в духе времени, уже с первых публикаций в этих журналах начались споры о разделении дисциплинарных границ и новом разделении сфер научного влияния.

С другой стороны, положение дел в философии совсем не вносило ясности в происходящее. Напротив, борьба на два фронта – против «механицизма» и, с другой стороны, «меньшевиствующего идеализма», развязанная внутри философского сообщества с подачи Сталина в конце 1929 года, еще более запутала положение дел в психологических науках, которые, несмотря на благие помыслы их представителей, так и не смогли окончательно преодолеть прежний разрыв между теоретической, экспериментально-лабораторной и прикладной составляющими своей дисциплины. Хуже того, несмотря на множество деклараций, манифестов и программных заявлений о «марксистской науке», высказанных

почти всеми авторами, выступавшими от лица этой дисциплины, подлинно марксистская – историческая, диалектическая, материалистическая – психология по факту так и не была выстроена.

«Великий перелом» в психологических науках обернулся серией ритуализированных «публичных дискуссий» начала 1930-х годов, в результате которых были повержены два амбициозных научных проекта, претендовавших на статус общей теоретической дисциплины – *реактология* Корнилова и *рефлексология* Бехтерева. И та и другая не выдержали упреков в неспособности сформулировать и эмпирически продемонстрировать нередукционистскую, социальную и личностно-ориентированную, теоретико-прикладную научную дисциплину о человеке. Дополнительным слабым местом этих двух дисциплинарных проектов была их излишняя революционность и явная изоляция от научного мейнстрима того времени. И в самом деле, в то время как *психология* была явно представлена на международном уровне в виде множественных научных обществ, журналов и международных психологических конгрессов, проходивших в Европе и Северной Америке еще с конца XIX века, *реактология* и *рефлексология* так и не смогли выйти за границы Советского Союза, а по своим целям и задачам со всей очевидностью полностью укладывались в сознании западных ученых в их представления о психологии. Примером тому, скажем, книга «Психология в 1930 году», вышедшая в Соединенных Штатах под редакцией Мерчисона, где впервые в западном мире был выделен целый раздел «русской психологии» в составе трех глав. Эти главы представили такие диковинки как *теория высшей нервной деятельности* Павлова, *рефлексология* Бехтерева³⁶ и *реактология* («марксистская психология») Корнилова³⁷. Несмотря на неоднозначное отношение каждого из этих авторов к собственно психологии, все три проекта были представлены в контексте презентации разных ликов психологии (или же, по выражению редактора тома, «психологий»).

Прикладные дисциплины с их упором на общественную практику, казалось, были в более надежном положении. И тем не менее, и они попали под огонь критики за отрыв практики от теории, – как это случилось, например, в ходе дискуссий начала 1930-х годов о концепции так называемого «политехнического образования», которое, по замыслу ее

---

³⁶ Ввиду того, что Бехтерев скончался в 1927 году, рефлексологическую главу написал его ученик Шнирман.

³⁷ См.: *Kornilov K.N. Psychology in the Light of Dialectic Materialism // Psychologies of 1930 / C. Murchison (ed.). Worcester, MA: Clark University press, 1930. P. 243–278; Pavlov I.P. Outline of the Higher Nervous Activity // Psychologies of 1930 / C. Murchison (ed.). Worcester, MA: Clark University press, 1930. P. 207–220; Schniermann A.L. Bekhterev's Reflexological School // Psychologies of 1930 / C. Murchison (ed.). Worcester, MA: Clark University press, 1930. P. 221–242.*

создателей, было ориентировано на разрыв между умственным и физическим трудом, а также между теоретической и практической деятельностью. По всей видимости, у руководства страны назревало ощущение взаимной дополнительности этих сравнительно разобщенных дисциплин и необходимости, с одной стороны, укрупнения, и с другой стороны, объединения разрозненных проектов в науке. Так, к примеру, уже в конце 1930 года московский *Психологический институт* был преобразован в единый *Институт психологии, педологии и психотехники*. В 1931 году закрывается журнал «Вопросы дефектологии», в 1932 за ним последовало закрытие московских журналов «Психология», «Педология» и журнала ленинградского Института мозга им. В.М. Бехтерева «Вопросы изучения и воспитания личности»; на два года их пережил журнал «Советская психотехника», закрытый в 1934 году. В целом, период первой пятилетки вплоть до партийного «съезда победителей», прошедшего в 1934 г. и провозгласившего окончательное установление социализма в стране, характеризуется не только усилением террора, но и резким снижением публикационной активности среди советских психологов. Да и сама психология, по всей видимости, в этот период утрачивает свои позиции в системе других, официально признанных в СССР социогуманитарных дисциплин. Показательно, что в многотомной Большой Советской Энциклопедии «психология» в 1932 году исчезает как отдельная рубрика из номенклатуры наук этого издания, где она числилась подотделом в общем отделе «Естествознание и точные науки» (с самого начала этого проекта в 1926 году); взамен там появляется несколько неопределенная общая рубрика «*психоневрологические науки*». Тем не менее, по не вполне понятной причине статус психологии как официально признанной научной дисциплины к середине 1930-х был восстановлен, свидетельством чему является хотя бы тот факт, что во второй половине 1935 года психология опять появляется в энциклопедической номенклатуре научных дисциплин (см., например, том 29 БСЭ, который был сдан в производство 7 августа, а подписан к печати 21 декабря 1935 года). До окончательной дисциплинарной победы психологии оставалось совсем немного.

5. Начало золотого века советской психологии: 1936 год

Поворотным моментом в истории психоневрологических наук в СССР стало известное постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов» от 4

июля 1936 года³⁸. Этот декрет, запрещавший использование методов тестирования в науках о человеке, оказался беспрецедентным силовым вмешательством партии в науку: до этого момента партийные руководители предпочитали действовать за кулисами и решать задачи административного разрешения конфликтов руками самих же специалистов в той или иной, чаще всего смежной и конкурирующей, области. В результате «педологического постановления» целая научная область – *педология* – и сопутствующие ей общественные практики и институты были закрыты, а ее представителям было рекомендовано переквалифицироваться в педагоги. Заодно с *педологией* пострадали и такие области как *психотехника* и *дефектология*, которые хоть и не были запрещены постановлением 1936 года, но автоматически подпали под его действие из-за повсеместного активного использования в них системы тестирования, например, в целях профессионального отбора или сортировки учащихся. Таким образом, в результате июльского постановления 1936 года многие психотехнические и дефектологические практики были по всей стране свернуты, а массовые общесоюзные движения педологов и психотехников прекратили свое существование. Примечательно отметить, что сама практика участия психологов в детском образовании, подготовке специалистов или работе с умственно-отсталыми детьми как таковая осталась, но продолжала существовать под другими названиями.

Под подозрение попали (и были дезавуированы) не только методы тестирования и количественной оценки умственного развития и психологического профиля учеников, но еще и сами названия и соответствующих прикладных областей, потенциально допускавшие их интерпретацию как самостоятельных и независимых научных дисциплин. Мы пока что не можем с уверенностью утверждать, какими именно критериями руководствовались представители высшей власти в стране при принятии решений в отношении тех или иных психологических дисциплин. Тем не менее, внимание обращает на себя то обстоятельство, что ограничению или запрету подверглись именно те квази-дисциплины, которые к концу 1930-х либо вообще никак не были представлены в системе наук, признанных ученым сообществом на Западе (напр., *дефектология*, *педология*), либо были там в последней фазе своего выживания (как, например, *психотехника*, которая уже в 1940-е годы составит основу дисциплины «прикладная психология»). Что же касается таких квази-дисциплинарных образований как *психогигиена* и *психотерапия*, то оба пережили кризис в 1930-е годы с тем,

---

³⁸ См. текст постановления: Постановление ЦК ВКП(Б) от 04.07.1936 о педологических извращениях в системе Наркомпросов // Законы России [Электр. ресурс]. Режим доступа: http://lawrussia.ru/texts/legal_586/doc586a100x809.htm, свободный (дата обращения 21.03.2014).

чтоб окончательно отказаться от каких бы то ни было дисциплинарных амбиций и остаться в медицинской практике в качестве ряда вспомогательных профилактических и лечебных мероприятий.

Педологическое постановление нанесло удар и по психологам, оказавшимся перед необходимостью официального покаяния в ошибках и размежевания с опальным учением педологов. Для развития идей целого ряда видных ученых, например скончавшихся несколькими годами М.Я. Басова (1892–1931) или Л.С. Выготского (1896–1934), которые работали сразу в двух этих областях, политическое решение 1936 года имело весьма негативные последствия. Большой террор внес определенную сумятицу в устоявшиеся схемы патрон-клиентских отношений между научными деятелями и партийным руководством страны, представленным Политбюро ЦК, а порой и персонально Сталиным. Но уже к 1939 году связи между учеными через посредство высокопоставленных переговорщиков (*spokesmen*, то есть посредников между научным и партийным руководством, представителей конкретных дисциплин) и партийно-государственным аппаратом были налажены вновь³⁹.

И действительно, в 1938–1941 годах психология остается в номенклатуре научных дисциплин Большой советской энциклопедии в качестве самостоятельного отдела, наряду с такими отделами, как «Марксизм-ленинизм» и «История ВКП(б)», «Философия», «Государство и право», «Экономика», «География», «Народное образование», «Сельское хозяйство», «Геология», «Биология» или «Медицина»⁴⁰.

К концу 1930-х, насколько мы можем судить по косвенным признакам, меняется статус психологии и в структуре образования, о чем свидетельствует публикация серии учебников на русском, украинском и грузинском языках для средних и высших учебных заведений в Советской России, Украине и Грузии⁴¹. Одному из этих учебников суждено было сыграть особенно важную роль в дисциплиностроительстве советской психологии. Учебник С.Л. Рубинштейна (1889–1960) «Основы общей психологии» (1940) был удостоен Сталинской премии второй степени за 1941 год⁴², и это знаменательное событие, по всей видимости, было непосредственно связано с серией административно-научных назначений

³⁹ *Krementsov N. Stalinist Science. Princeton: Princeton University Press, 1997.*

⁴⁰ См., например, том 33 БСЭ, подписанный к печати 8 сентября 1938 года.

⁴¹ См.: *Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Шварц Л.М. Психология. М.: Учпедгиз, 1938; Корнилов К.Н., Теплов Б.М., Шварц Л.М. Психология / 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1941; Костюк Г.С. Психологія. Посібна книга для студентів педагогічних вищих шкіл. Київ, 1939; Костюк Г.С. Психологія. Посібна книга для студентів педагогічних вищих шкіл. Друге видання, стереотипне. Київ, 1941; Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1940; Узнадзе Д.Н. Общая психология. Тбилиси, 1940.*

⁴² Премия присуждена в категории «философские науки» в 1942 году.

Рубинштейна, избранного первым представителем психологии в «большой» Академии: он был избран членом-корреспондентом АН СССР в 1943 году. В том же году Рубинштейн стал первым заведующим кафедрой психологии и основателем отделения психологии в Московском государственном университете, а также заместителем директора и заведующим сектором психологии при Институте философии Академии наук СССР, ставшим первым в истории Академии ее психологическим структурным подразделением. Вторым представителем психологии в Академии наук СССР стал С.В. Кравков (1893-1951), который в 1946 году был избран членом-корреспондентом сразу двух советских академий: и «большой» Академии, и Академии медицинских наук СССР. В 1943 году была основана Академия педагогических наук РСФСР, на долгие годы после этого служившая пристанищем множеству советских психологов, ставшими ее членами-корреспондентами и полноправными членами.

Впрочем, высшие административные назначения и учреждения новых научных организаций затронули психологов не только в РСФСР, но и в национальных республиках. Так, первым советским психологом-академиком стал Д.Н. Узнадзе (1886–1950), избранный академиком Академии наук Грузинской ССР в 1941 году, а первым советским академическим подразделением в этой сфере оказался учрежденный им в Тбилиси в том же году Сектор (с 1943 года – Институт) психологии АН ГССР. Вскоре за этим последовало создание научно-исследовательский институт психологии Наркомпроса (впоследствии – Минпроса) УССР, который был основан осенью 1945 году в Киеве под руководством Г.С. Костюка (1899–1982). Вне всякого сомнения, все эти события отражали принципиальное изменение к психологии как научной дисциплине в иерархии советских наук и ее новый, официально признанный высокий статус на академическом Олимпе в масштабах всей страны.

После войны создается отделение психологии на философском факультете МГУ, а 3 декабря 1946 года было опубликовано и постановление ЦК ВКП(б) «О преподавании логики и психологии в средней школе», согласно которому психология была введена в курс школьного преподавания в СССР в качестве одного из предметов учебного плана в старших классах. Это событие сделало очевидным тот факт, что советская *психология*, пережившая *рефлексологию* и *реактологию* и фактически поглотившая *педологию*, *психотехнику* и *дефектологию*, не только состоялась как дисциплинарный проект национального масштаба, но и вступило – в институциональном плане – в эпоху своего «золотого века». Парадоксально, но именно период 1936–1938 годов, ознаменовавшийся постановлением о педологии и

массовыми репрессиями в стране, оказался временем полной реорганизации и своего рода «зачистки» места для будущей «настоящей» советской психологии. Именно она приняла на себя основную нагрузку всех «вымерших» дисциплин психоневрологического сегмента наук о человеке (и очень выборочно сохраняла память о дореволюционном прошлом) – и развивалась уже в послесталинский период в условиях нормализации и гораздо более «плавного» и даже инерционного утверждения своих норм и установок, в отличие от бурного, интеллектуально насыщенного и разнопланового периода развития 1900-1930-х годов. Потом будут и триумф советской науки и техники периода Второй мировой войны, и начало Холодной войны с окончательным определением фундаментальных организационных принципов «сталинистской науки», и поколенческий разрыв двух поколений советских психологов дореволюционной формации и советских «шестидесятников», и преодоление этого разрыва, состоявшееся лишь в процессе постепенного ухода старой генерации и приходе к административным вершинам в научном управлении поколения «шестидесятников», которому предстояло в полной мере воплотить ту самую «сталинистскую модель» в советской психологии. К слову, именно эта модель и по сей день во многом остается основной организационной формой существования университетской психологии в стране. Впрочем, это уже совсем другая история⁴³.

---

⁴³ Именно эта история сейчас готовится к публикации в виде главы в коллективной монографии, посвященной актуальным вопросам «ревизионистской революции в выготсковедении», выход которой планируется на двух-трех языках международной науки. Русского языка среди них пока что нет, но мы не оставляем надежды, что этот текст, равно как и вся книга, когда-нибудь, раньше или позже, найдет и своего русского читателя.